

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ЧАСТНЫХ ПРАВ

УДК 347.1

Н. П. Асланян

ОБ ОТНОШЕНИИ К КАТЕГОРИЯМ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И РОЛИ КАТЕГОРИЙ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Обосновывается тезис о том, что отсутствие четких представлений о научных категориях и все усиливающаяся категоризация цивилистических понятий влекут стирание граней между научным и квазинаучным знанием и свидетельствуют о падении эталонов научности в гражданском правоведении.

Ключевые слова: понятие; категория; понятийно-категориальный аппарат; научная категоризация.

N. P. Aslanyan

ON TREATMENT OF CATEGORIES IN JURISPRUDENCE AND ROLE OF CATEGORIES IN SCIENTIFIC RESEARCH

Thesis is substantiated that the absence of clear-cut conception of scientific categories and still increasing categorization of civil legal notions lead to an erosion of boundaries between scientific and quasi-scientific knowledge and give an evidence of scientific standards' degradation in civil jurisprudence.

Key words: notion; category; conceptual and categorical framework; scientific categorization.

1. Правовая наука живет в языке, т. е. знаковой системе, занимающей первичное и важнейшее место в социальных коммуникационных процессах [56, с. 210–211; 66, с. 96–97], а точнее, – в его специфическом виде – языке науки, который, в свою очередь, живет в тексте. Исторические правовые памятники, действующий закон, научные труды – все это текстовые явления. Текст (и письменный, и устный), как утверждает М. М. Бахтин, является первичной данностью всех гуманитарных дисциплин и вообще всего гуманитарного мышления; он является той непосредственной действительностью, «из которой

только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [9, с. 297]. Научный текст объективирует имеющуюся систему научных знаний, ибо вне текста «невозможны ни накопление знаний, ни удержание их в памяти, ни передача их другим субъектам» [34, с. 111]. Сам же научный текст представлен терминологией, в связи с чем, по убеждению П. Флоренского, «суть науки – в построении или, точнее, в устройении терминологии. <...> Всякая наука – система терминов. <...> Не ищите в науке ничего, кроме терминов, данных в их соотношениях: все содержание науки, как таковой, сводится именно к терминам в их связях» [70, с. 210–211]. Эти аксиоматичные для философов и лингвистов положения являются таковыми и для ученых иных областей знания, уделяющих вопросам терминологии значительное внимание. Не осталась в стороне и юридическая наука, в которой, кажется, в этом отношении уже не имеется ни одной незадействованной сферы. Наряду с широко известными трудами, посвященными понятийному аппарату юридической науки, например, такими, как работы А. М. Васильева [17] или С. Ю. Головиной [23], мы можем указать на целый ряд современных работ, авторы которых предпринимают усилия по разработке понятийно-категориального аппарата в самых различных областях юридического знания [2; 3; 8; 13; 20; 28; 31; 36; 43; 48; 49; 50; 53; 55; 58; 59; 62–64; 67; 72–76].

Обилие юридических исследований, посвященных понятийно-категориальному аппарату, казалось бы, должно свидетельствовать о сформировавшемся учении в данной области правоведения и наличии у правоведов четких представлений о компонентах такого аппарата (понятиях и категориях); как у тех, которые пишут о понятийном аппарате в целом, так и у тех, которые обращаются к какому-либо отдельному понятию (категории). Однако, по-видимому, философский закон перехода количества в качество в данном случае не срабатывает (если исключить допущение, что исследователи отдельных понятий или категорий работ общей направленности по изучаемой проблеме не изучают).

2. Значимость терминологической работы в правовой науке особенно возрастает в период кризиса юридического научного знания, свидетелями которого мы сегодня являемся [5; 6; 10; 12; 15]. Современный кризис носит системный характер и захватывает все области юридического познания, включая едва ли не в первую очередь именно понятийный аппарат. Причем, юриспруденция в этом отношении не

одинока и о деформации понятийно-категориального аппарата, влекущей утрату критериев научности познания, говорят специалисты самых различных областей гуманитарного знания, отмечая стирание различий между научным знанием и любым нарративом, произвол в употреблении терминов, понятий и категорий, интерпретационную анархию и т. д. [54, с. 6–7; 65, с. 3; 77, с. 94–95]. Эти деструктивные процессы в полной мере присущи и цивилистике.

3. Понятийно-категориальный аппарат формируют понятия и категории. Лица, профессионально занимающиеся научной деятельностью, по определению должны владеть этим аппаратом, что предполагает в первую очередь умение различать понятия и категории и, соответственно, правильно применять их. Однако современная цивилистическая литература такого умения не обнаруживает, но наглядно демонстрирует легковесное отношение к общепризнанным науковедческим положениям о научных категориях, их системе и роли в научном познании. Авторы многих гражданско-правовых текстов отождествляют понятия и категории и упорно употребляют термин «категория» исключительно в зависимости от собственных предпочтений. В связи с этим категориальный статус приобретают самые разнообразные понятия, например, такие, как «энергия» [46], «непреодолимая сила» [22], «исполнение гражданско-правовой обязанности», «исполнение гражданско-правового обязательства», «исполнение договора» [37], «иные («дополнительные») интеллектуальные права» [26], «отказ в защите права» [27], «обращение взыскания» [52], «ограничение оборотоспособности земельных участков» [44], «прекращение юридических лиц без правопреемства» [45], «здания, сооружения и объекты незавершенного строительства» [57], «незаконнорожденное лицо» [18] и т. п. Интересно отметить, что авторы указанных работ даже не касаются вопроса о том, почему они присвоили категориальный статус избранным понятиям, а некоторые прямо указывают, что правовой науке исследуемая ими «категория» неизвестна [45, с. 127]. Оценивая современное положение дел в области разработки категорий в общей теории права, П. С. Баринов отмечает: «Ситуацию осложняет своеобразный “бум” в юридической науке, наблюдающийся в области внедрения все новых и новых категорий и иных понятий, призванных отразить сущность и основные закономерности государственно-правовых явлений. Однако ценность всевозможных понятийных новаций в юриспруденции и социально-правовой практике не всегда очевидна. Порой, напротив, из-

лишняя, избыточная и необоснованная категоризация правовой информации представляет собой “антиценность”, ценность со знаком “минус”, вследствие чего обесцениваются уже существующие и (или) вновь вводимые правовые категории» [7, с. 61]. Заслуживает подобной оценки и влечет аналогичные выводы и безудержная категоризация гражданско-правовых понятий, поскольку «размывает» категориальный строй гражданско-правовой науки, стирает границы между научным знанием и «околонаучным», а также свидетельствует о полнейшем пренебрежении к теоретико-методологическим основам построения научного знания со стороны вступающей на научную стезю «молодой поросли», призванной продолжать научные традиции Н. Л. Дювернуа, Ю. С. Гамбарова, Д. И. Мейера, С. А. Муромцева, И. А. Покровского, Г. Ф. Шершеневича.

Бесцеремонное обращение с важнейшим компонентом системы науки – категориями – не является столь безобидным, как может показаться на первый взгляд. Обратимся к К. Ясперсу, который, характеризуя современную ему науку, обращал внимание на повсеместную увлеченность разработками категорий. «Все то, что представляется допустимым с точки зрения математики, физики, биологии, герменевтики, спекуляции, исследуется; изучаются все формы, все предметы, – писал философ. – Следствием этого является *возможность безграничного расширения категориальной сферы, а отсюда – отсутствие законченного учения о категориях* (курсив наш. – Н. А.)» [78, с. 105]. Однако «научная позиция требует строгого различения безусловного знания и небезусловного, стремления вместе с познанием обрести знание метода и тем самым смысла и границ знания... <...> Тот, кто выработал в сфере своего исследования научный подход к изучаемому предмету, всегда способен понять то, что является подлинной наукой» [78, с. 105]. Отдавая дань точности суждений выдающегося ученого и движимые стремлением хоть в какой-то мере противостоять охватившей цивилистику «пандемии» падения эталонов научности, мы предприняли в настоящей работе попытку осветить современные представления о научных категориях и о разграничении понятий и категорий.

4. В науке понятие определяется как «мысленное отражение в форме непосредственного единства общих существенных признаков предметов» [71, с. 25]; «мысль, выделяющая класс предметов путем фиксации их необходимых и достаточных существенных признаков» [35, с. 23]; «мысленная характеристика объекта познания, простое или

сложное *свойство* эмпирического объекта» [42, с. 183]. Таким образом, понятие – это мысль, возникающая о том или ином объекте. Поскольку мысль идеальна, является сложным феноменом психического мира человека¹, – она не может быть выражена непосредственно, и, соответственно, не может входить в таком качестве в понятийно-категориальный аппарат. Для передачи другому человеку мысли, осознанной и сформированной в понятии, ее необходимо облечь в материально-вещественную форму, т. е. выразить посредством языковых знаков (слов), о чем образно выразился Вольтер: «Когда человек охвачен идеей, когда ум точный и пылкий владеет мыслью, она выходит из головы, облеченная в соответствующие выражения, подобно тому как Минерва явилась во всеоружии из головы Юпитера» [19, с. 247].

Таким образом, во-первых, в понятийно-категориальный аппарат понятие входит не в форме мысли, а в форме слова (термина). Современное (мы бы уточнили – нестрогое) отношение к компонентам арсенала познавательных средств этот нюанс прочно завуалировало, и, как отмечает О. И. Кирсанов, «сегодня слитность понятий со своими языковыми формами стала для нас настолько привычной, что выражения “слово” и “понятие” кажутся нам синонимичными. Но в действительности это не так» [35, с. 25]. Понятие и слово (в нашем случае – термин) не должны отождествляться хотя бы уже потому, что, как было отмечено, имеют разную природу: понятие есть идеальный продукт в то время как слово – материальный; ученый должен этот нюанс хорошо различать. Во-вторых, облекать в термин родившуюся мысль и выносить ее на суд научной общественности можно только после серьезной рефлексии. Как тут не вспомнить слова Е. Я. Мотовиловкера о том, что «занятие наукой заключается в думанье о предмете, т. е. в самостоятельном размышлении по поводу» [47, с. 217]. В этой связи хотим акцентировать внимание на следующем обстоятельстве: в приведенной выше фразе Вольтер имел в виду не любую мысль, а хорошо продуманную, ибо отталкивался от крылатой фразы «*rem verba sequuntur*» («слова последуют за предметом»), формулируя тем самым важнейший методологический принцип, руководствоваться которым следует не только в ораторском искусстве и писательском труде (о чем

¹ «То, что мы называем своими “мыслями”, по-видимому, зависит от организации путей в мозге, примерно таким же образом, каким путешествия зависят от дорог и железнодорожных путей, – писал Бертран Рассел. – Энергия, используемая в мышлении, вероятно, имеет химическое происхождение...» [51, с. 159].

говорил Вольтер в рассматриваемом случае), но и в научной деятельности: досконально изучи предмет своего познания – и появятся мысли об этом предмете¹.

5. Понятия признаются в логике «первокирпичиками человеческого мышления» [35, с. 20], поскольку входят в состав любых мыслительных конструкций. Научное мышление протекает в теоретической понятийной форме, а потому понятие есть исходная и универсальная форма мышления и в этом аспекте отличия понятий от категорий не имеется. Говоря иначе, категория есть в то же время и понятие, и так же, как и понятие, она объективируется в термине.

Однако не любое понятие приобретает категориальный статус. В философии под категориями понимаются «формы осознания в *понятиях* всеобщих способов отношения человека к миру, отражающие наиболее общие и существенные свойства, законы природы, общества и мышления» [68, с. 237]; «первоначальные и основные формы бытия объектов познания» [69, с. 204]; «понятия, объемы которых представляют собой высшие роды сущего» [40, с. 6]; «наиболее общие, фундаментальные понятия, представляющие собой формы и организующие принципы научного мышления» [29, с. 66]. Логики определяют категорию как «предельно общее фундаментальное понятие, отражающее наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания» [30, с. 142]; «понятие, рассматриваемое в качестве исходного, неопределяемого через другие понятия» [42, с. 75].

6. Длительное время термины «категория» и «философская категория» являлись синонимами. Однако сегодня категориальный статус получают не только общие понятия философии, но и общие понятия частных наук. Как поясняет Н. Ф. Бучило, и категории философии, и категории науки – это «предельно общие понятия, отражающие наиболее существенные стороны, свойства, отношения реального мира... Но в отличие от философских категорий, имеющих всеобщий характер,

¹ Источником употребленной Вольтером крылатой фразы является сентенция Катона Старшего: «*rem tene, verba sequentur*» («овладей делом, а слова последуют») [4, с. 558]. Эта фраза приобрела широкое хождение и в виде выражения «*verbaque praevisam rem non invita sequentur*» нашла отражение в «Науке поэзии» Горация, где в переводе М. Л. Гаспарова звучит как «всякий предмет тебе разъяснят философские книги, а уяснится предмет – без труда и слова подберутся» [24, с. 775]; в переводе М. А. Дмитриева – «книги философов могут тебя в том достойно наставить, а выраженья за мысль придут уже сами собой» [32, с. 349]; в переводе А. С. Бобовича – «когда суть дела обдумана заранее, слова последуют без затруднений» [4, с. 558].

категории науки отражают свойства некоторого фрагмента реальности, а не реальности в целом» [16, с. 159].

Категории, как предельные понятия, появляются в результате операции обобщения, т. е. логической операции перехода от видового понятия к родовому «путем отбрасывания от содержания данного видового понятия его видообразующего признака (признаков)» [21, с. 53]. Согласно этому в правоведении категории определяются как «наиболее глубокие, фундаментальные понятия, являющиеся пределом обобщения как в определенной области юридических знаний, так и в правоведении в целом» [17, с. 87]. Таким образом, правовые категории отражают или свойства всей правовой реальности, или свойства какого-либо ее фрагмента, например, гражданско-правовой реальности. Но при этом они должны обладать качеством фундаментальности, предельно обобщать информацию об объекте познания, быть исходными относительно такого объекта. Если представить соотношение понятий и категорий какого-либо сегмента (реальности или познания) в виде пирамиды, то категория – это ее вершина, выше которой в данном сегменте ничего нет, и посредством которой можно определить все понятия, расположенные ниже вершины, в то время как ее самое невозможно «подвести» ни под одно из нижележащих понятий. Даже самый элементарный взгляд на понятия, которым, как указано в приведенных примерах, присвоен категориальный статус, показывает, что, например, «здания, сооружения и объекты незавершенного строительства» или «незаконнорожденное лицо» не могут составлять вершину такой воображаемой пирамиды, ибо словосочетание «объекты незавершенного строительства» не может быть положено в основу определения гражданско-правовых объектов, равно как и «незаконнорожденное лицо» – в основу определения лиц – субъектов гражданского права.

7. Помимо фундаментального, предельно общего характера категорий их отличие от понятий заключается также и в особой методологической роли в научном познании, поскольку «категория нацелена главным образом на организацию процесса познания, выделение одного из узловых моментов этого процесса» [1, с. 146. См. также: 39]. И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин, характеризуя процесс превращения понятия в категорию, отмечают, что при этом категория становится не только средством фиксации некоторого содержания (что присуще и «просто» понятию), но и средством организации знания и познания

[14, с. 126]. Именно категории выступают в качестве исходного материала, на основе которого выстраивается структура научных исследований, рождаются научные гипотезы и формируются частные научные теории. Всякое научное познание осуществляется в рамках определенной «сетки» («матрицы») категорий – философских, общенаучных и частнонаучных, в совокупности формирующих гносеологическую картину исследуемого объекта. «Образно говоря, – пишет А. А. Ивин, – научные категории – это те очки, через которые ученый смотрит на мир и без которых он не способен воспринять предмет своего исследования. Категориальная структура науки представляет собой систему координат научного мышления» [29, с. 66]. Такая структура составляет каркас общего предмета дисциплины, включающего наряду с философскими и общенаучными категориями также и собственные категории той или иной науки.

8. Разработка категорий науки – серьезная исследовательская работа. В отечественной доктрине имеется ряд солидных трудов, позволяющих получить представление о правовых понятиях и категориях, их сходстве и отличиях, системе и значении в научном познании [17; 33; 38, с. 333; 60; 61]. Поэтому, как представляется, исследователи, как упомянутые в работе, так и не упомянутые, присваивающие категориальный статус вызвавшему их интерес понятию, должны предварительно ознакомиться с учением о категориях, разработанным в отечественной правовой науке, и использовать положения данного учения в качестве фундамента собственного исследования (что, впрочем, не препятствует им и основательно ознакомиться с философскими трудами по данной проблеме).

9. Касаясь цивилистических категорий, отметим следующее. На сегодняшний день в литературе отсутствуют работы фундаментального характера, подобные вышеупомянутому труду А. М. Васильева; такие работы, которые предварялись бы общими положениями о категориях гражданско-правовой науки и давали бы их развернутый перечень. Однако сведения о доктринальных представлениях по этому вопросу в литературе имеются, что обусловлено, как подчеркивает Е. А. Суханов, первостепенным значением «глубокого усвоения существа основных цивилистических категорий» [25, с. 77]. В этой связи укажем на работу В. А. Белова, который при освещении вопроса о системе цивилистической науки, предваряет его положениями о ее категориальном строе и называет ключевые гражданско-правовые категории: 1) норму права; 2) правовые формы; 3) предпосылки (условия) и

основания облечения фактических (жизненных) отношений в гражданско-правовые формы, включающие в себя понятия: а) правосубъектности (субъекта права); б) объекта права; в) юридических фактов, обстоятельств, состояний и фактических составов [11, с. 93]. Надеемся, что полноценный труд монографического характера, посвященный исключительно цивилистическим категориям, не заставит себя ждать, однако его отсутствие – не повод для наблюдающейся сегодня «категориальной чехарды».

10. В заключение изложенного уместно привести слова Г. Д. Левина, который на вопрос о поиске новых философских категорий ответил, что обнаружение нового предельно общего понятия означает обнаружение еще никому не известной определенности, и подчеркнул: «...открыть новую философскую категорию в настоящее время так же невозможно, как и новый материк» [40, с. 11].

Как видно из приведенных в настоящей работе примеров, цивилисты повергают подобные воззрения без оглядки на содержание собственной науки и едва ли не ежемесячно «открывают новые материки». Перефразировав ленинское выражение «категории надо вывести (а не произвольно или механически взять) (не “рассказывая”, не “уверая”, а доказывая)» [41, с. 86], констатируем: присвоение какому-либо понятию статуса категории должно быть оправдано значением этого понятия в научном познании, его способностью быть пределом обобщения в определенной области цивилистических знаний, и базироваться не на предпочтениях автора, а на обосновании, построенном на убедительных доводах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов А. С. Системность как свойство категорий конституционного права / А. С. Автономов // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 4. – С. 145–154.

2. Алексей П. В. Проблемы формирования понятийного аппарата в сфере инновационной деятельности на федеральном и региональном уровне / П. В. Алексей, А. С. Звездкина // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2004. – № 3. – С. 108–109.

3. Амплеева Е. Е. Периодизация и некоторые проблемы становления понятийного аппарата международного права / Е. Е. Амплеева // *История государства и права*. – 2009. – № 1. – С. 24–27.

4. Бабичев Н. Т. Словарь латинских крылатых слов / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский ; под ред. Я. М. Боровского. – М. : Рус. яз., 1999. – 784 с.
5. Баранов П. П. Основные контуры кризиса современной юридической науки / П. П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 11–17.
6. Баранов П. П. Кризис юридической науки в современном мире / П. П. Баранов // Философия права. – 2015. – № 1 (68). – С. 29–36.
7. Баринов П. С. Функциональная ценность правовых категорий: общетеоретический аспект / П. С. Баринов // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – № 5 (56). – С. 60–65.
8. Батрова Т. А. Формирование понятийного аппарата коммерческого (торгового) права / Т. А. Батрова // Коммерческое право. – 2008. – № 2 (3). – С. 19–24.
9. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – С. 297–325.
10. Белов В. А. «Да бог с ней, с истиной – мне Платон дороже!», или о человеческих отношениях в российском правоведении / В. А. Белов // Закон. – 2014. – № 12. – С. 61–72.
11. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право : учебник / В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – 521 с.
12. Белов В. А. Наука права (правоведение или юриспруденция): кризисное состояние и пути его преодоления / В. А. Белов // Закон. – 2016. – № 11. – С. 33–49.
13. Белых В. С. О понятийном аппарате науки предпринимательского (хозяйственного) права / В. С. Белых // Предпринимательское право. – 2012. – № 3. – С. 5–12.
14. Блауберг И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1973. – 270 с.
15. Боруленков Ю. П. Юридическое познание : кризис методологии / Ю. П. Боруленков // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 205–214.
16. Бучило Н. Ф. Философия : учеб. пособие / Н. Ф. Бучило, А. Н. Чумаков. – М. : ПЕР СЭ, 2001. – 447 с.
17. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – М. : Юрид. лит., 1976. – 264 с.

18. Войнилова И. Г. Правовая сущность категории «незаконно-рожденное лицо» в истории права России / И. Г. Войнилова // Законность и правопорядок в современном обществе : сб. материалов 15-й Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2013. – С. 167–171.
19. Вольтер. Ум, остроумие / Вольтер // Эстетика. Статьи. Письма. – М. : Искусство, 1974. – С. 241–251.
20. Вулах М. Г. Вопросы формирования понятийного аппарата в спортивном законодательстве России / М. Г. Вулах // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2010. – № 3 (73). – С. 10–15.
21. Гетманова А. Д. Учебник по логике / А. Д. Гетманова. – М. : ВЛАДОС, 1995. – 303 с.
22. Головин Н. М. Место категории непреодолимой силы в понятийном аппарате гражданского права / Н. М. Головин // Вестник Пермского университета. – 2013. – Вып. 1 (19). – С. 125–134.
23. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права / С. Ю. Головина. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1997. – 178, [1] с.
24. Гораций. Наука поэзии / Гораций // Вергилий : Буколики. Георгики. Энеида / Публий Вергилий Марон ; Гораций : Оды. Эподы. Сатиры. Послания. Наука поэзии / Квинт Гораций Флакк : сборник. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2009. – С. 765–792.
25. Гражданское право : в 4 т. Т. 1. Общая часть : учебник / В. С. Ем, Н. В. Козлова, С. М. Корнеев [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 720 с.
26. Гульбин Ю. Т. О категории «иных» («дополнительных») интеллектуальных прав / Ю. Т. Гульбин // Законодательство. – 2010. – № 1. – С. 23–27.
27. Егорова М. А. Содержание категории «отказ в защите права» как санкции за злоупотребление правом / М. А. Егорова // Гражданское право. – 2014. – № 5. – С. 10–14.
28. Жаворонкова Н. Г. Теоретические проблемы понятийного аппарата в области обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях / Н. Г. Жаворонкова // Право и государство: теория и практика. – 2007. – № 10. – С. 94–99.
29. Ивин А. А. Современная философия науки / А. А. Ивин. – М. : Высш. шк., 2005. – 592 с.
30. Ивин А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М. : ВЛАДОС, 1997. – 384 с.

31. Кабанков А. С. Понятийный аппарат экологического права: шаг вперед, два шага назад / А. С. Кабанков // Журнал российского права. – 2003. – № 12. – С. 30–33.

32. Квинт Гораций Флакк. Наука поэзии / Квинт Гораций Флакк // Полное собрание сочинений. — М. ; Л. : АCADEMIA, 1936. — С. 341–353.

33. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д. А. Керимов. — М. : Аванта+, 2001. — 558, [1] с.

34. Ким В. В. Язык науки: Философско-методологические аспекты / В. В. Ким, Н. В. Блажевич. — Екатеринбург : Банк культур. информ., 1998. — 214 с.

35. Кирсанов О. И. Теоретический и практический курс традиционной логики : учеб. пособие / О. И. Кирсанов. — Томск : Том. гос. ун-т, 2013. — 354 с.

36. Козодубов А. А. О необходимости совершенствования понятийного аппарата законодательства о местном самоуправлении / А. А. Козодубов // Вестник Архангельского государственного технического университета. — 2009. — Вып. 81. — С. 63–68.

37. Колодуб Г. В. Проблема соотношения правовых категорий (явлений) «исполнение гражданско-правовой обязанности», «исполнение гражданско-правового обязательства» и «исполнение договора» / Г. В. Колодуб // Юрист. — 2013. — № 24. — С. 38–43.

38. Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) / О. А. Красавчиков // Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. — М. : Статут, 2005. — С. 115–489.

39. Куликов Е. А. Философские категории в правовой науке и правовые категории: проблемы теории и методологии / Е. А. Куликов // Юридические исследования. — 2017. — № 10. — С. 59–77.

40. Левин Г. Д. Философские категории в современном дискурсе / Г. Д. Левин. — М. : Логос, 2007. — 224 с.

41. Ленин В. И. Философские тетради / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — М. : Прогресс, 1981. — Т. 29. — XXIX, 944 с.

42. Логический словарь : ДЕФОРТ / под ред. А. А. Ивина, В. Н. Перверзева, В. В. Петрова. — М. : Мысль, 1994. — 268, [1] с.

43. Макиев А. Д. Сущность и классификация форм научных знаний в юридической науке. Понятийный аппарат / А. Д. Макиев, А. Н. Якушев // Закон и право. — 2006. — № 9. — С. 63–67.

44. Мельников Н. Категория «ограничение оборотоспособности земельных участков» в системе норм, регулирующих правовой режим объектов гражданских прав / Н. Мельников // Хозяйство и право. – 2014. – № 9. – С. 111–118.

45. Мифтахутдинов Р. Т. К вопросу о сущности правовой категории «прекращение юридических лиц без правопреемства» / Р. Т. Мифтахутдинов // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. – 2010. – № 4 (10). – С. 127–132.

46. Михалев Д. Н. Правовая природа категории «энергия», как разновидности объекта гражданских правоотношений / Д. Н. Михалев // Вестник Калмыцкого университета. – 2012. – № 2 (14). – С. 145–148.

47. Мотовиловкер Е. Я. Законный интерес и субъективное гражданское право / Е. Я. Мотовиловкер // Правоведение. – 2005. – № 2. – С. 210–217.

48. Паршуков А. В. Понятийный аппарат нового Закона о рекламе / А. В. Паршуков // Реклама и право. – 2006. – № 2. – С. 27–30.

49. Паршуков М. И. Понятийный аппарат информационного права в законодательстве, науке и образовательной деятельности / М. И. Паршуков // Информационное право. – 2013. – № 3 (34). – С. 6–8.

50. Попов Е. Ю. Правовая природа и понятийный аппарат банкротства физического лица / Е. Ю. Попов // Новая правовая мысль. – 2010. – № 5 (42). – С. 23–26.

51. Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали / Б. Рассел. – К. : Port-Royal, 1996. – 368 с.

52. Самойлова В. В. Гражданско-правовые аспекты содержания категории «обращение взыскания» в залоговом и ипотечном праве / В. В. Самойлова // Закон и право. – 2014. – № 5. – С. 55–57.

53. Селивановский А. С. Проблемы совершенствования понятийного аппарата валютного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Селивановский. – М., 2002. – 30 с.

54. Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества : учеб. пособие / Ю. И. Семенов. – М. : МФТИ, 1997. – 202 с.

55. Семенова Е. О совершенствовании понятийного аппарата, применяемого в сфере залогового кредитования, на основе динамических тезаурусов / Е. Семенова // Право и экономика. – 2009. – № 12. – С. 52–55.

56. Сепир Э. Коммуникация / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. – С. 210–215.
57. Ситдикова Л. Б. Здания, сооружения и объекты незавершенного строительства как правовые категории в гражданском праве / Л. Б. Ситдикова // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. – 2016. – № 1 (21). – С. 79–87.
58. Смирнов Д. А. Понятийный аппарат института оплаты труда : комплексный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. А. Смирнов. – СПб., 2009. – 23 с.
59. Сухарев А. С. Проблемы формирования понятийного аппарата в теории административного права / А. С. Сухарев // Административное право и процесс. – 2009. – № 3. – С. 10–14.
60. Сырых В. М. Логические основания общей теории права : в 2 т. Т. 1 : Элементный состав / В. М. Сырых. – М. : Юрид. дом «Юстицинформ», 2000. – 528 с.
61. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитар. ун-та, 2001. – 264 с.
62. Телегин А. А. Обновление понятийного аппарата науки уголовно-исполнительного права / А. А. Телегин // Современное право. – 2004. – № 9. – С. 59–64.
63. Тимошенко И. В. Понятийный аппарат законодательства об административной ответственности: состояние и направления развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. В. Тимошенко. – Ростов н/Д., 2006. – 38 с.
64. Толстой Ю. К. О понятийном аппарате части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / Ю. К. Толстой // Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 39–43.
65. Тощенко Ж. Т. О понятийном аппарате социологии / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2002. – № 9. – С. 3–16.
66. Уфимцева А. А. Понятие языкового знака / А. А. Уфимцева // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1970. – С. 96–139.
67. Филимонова М. В. Роль понятийного аппарата в процессе становления отрасли трансграничного транспортного права / М. В. Филимонова // Право: теория и практика. – 2009. – № 9 (122). – С. 3–10.
68. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Республика, 2001. – 719 с.

69. Философский энциклопедический словарь / сост.: Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : Инфра-М, 1999. – 576 с.
70. Флоренский П. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) / П. Флоренский // Сочинения : в 4 т. Т. 3 (1). – М. : Мысль, 2000. – 621 с.
71. Формальная логика : учебник / отв. ред. И. Я. Чупахин, И. Н. Бродский. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 357 с.
72. Цыбульник Ю. В. Проблемы формирования понятийного аппарата российского предпринимательского права / Ю. В. Цыбульник // Предпринимательское право. – 2011. – № 3. – С. 47–52.
73. Чакалова М. Проблемы развития понятийного аппарата науки муниципального права / М. Чакалова // Муниципальное право. – 2009. – № 2 (46). – С. 38–41.
74. Чулахов В. Н. О понятийном аппарате криминалистического учения о навыках / В. Н. Чулахов // Вестник криминалистики. – 2003. – Вып. 3 (7). – С. 80–89.
75. Чуча С. Ю. Понятийный аппарат конкурсного права России : некоторые вопросы теории и практики / С. Ю. Чуча // Право и политика. – 2002. – № 7. – С. 4–12.
76. Шатохин И. В. К вопросу об унификации понятийного аппарата правовой основы в сфере миграции / И. В. Шатохин // Очерки новейшей камералистики. – 2010. – № 1. – С. 55–56.
77. Яковлева Н. О. Понятийный аппарат современного педагогического исследования / Н. О. Яковлева // Педагогическое образование и наука. – 2012. – № 12. – С. 94–99.
78. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. – М. : Республика, 1994. – С. 28–286.

Информация об авторе

Асланян Наталья Павловна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права; Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Краснодар, e-mail: nataslan@mail.ru.

Information about the author

Aslanyan Natalia Pavlovna – Doctor of Law, Professor, Professor of International Law Department; Russian State University of Justice North Caucasian Branch, Krasnodar, e-mail: nataslan@mail.ru.